

«ПОХОЖИ ВСТРЕЧИ НА ПОДАРКИ»

О творчестве Любови Никоновой

Сборник «Похожи встречи на подарки» издан Кемеровским издательством «Летопись» и представляет собой своеобразное подведение итога творчества поэта. Он содержит восемь тематических разделов и в каждом – стихотворения, соответствующие заявленной тематике, созданные на протяжении всего творческого пути Любови Алексеевны от 1966 по 2003 год. Это разделы: «Глаза жизни», «Как пчела в цветах», «Распорядилась так судьба», «Горящая музыка», «Не споря с высшей силой притяженья», «Ветер добирается до души моей», «Дыхание смутных времён», «Сокровенной России свеченье».

Названия разделов достаточно свободны, продиктованы лишь внутренним авторским чувством и никакими ограничениями на содержание стихотворений каждого из разделов не налагают. Очевидно только, что от раздела к разделу стихи всё более зрелы, выношены, выражают всё более глубокие раздумья и переживания автора.

I

Стихотворения первого раздела сборника – «Глаза жизни» – выражают идею, которая вообще-то пронизывает всё творчество Л. А. Никоновой – идею вечной, всеобщей органической связи всего сущего на земле и в небесах, всего божьего творения. Идея эта сквозная для её творчества, стихотворения этого раздела (подчеркну ещё раз: созданные в разные годы её творческой жизни) лишь наиболее полно и последовательно её воплощают.

Ощущение единства всего живого и своей причастности к нему пронизывает все стихотворения этого раздела и роднит их с натурфилософскими стихами Н. А. Заболоцкого. Достаточно вспомнить хотя бы такие его строки:

*...и в этот миг
Всё, всё услышал я – и трав вечерних пеньё,
И речь воды, и камня мертвый крик,
И я, живой, скитался над полями,
Входил без страха в лес,
И мысли мертвецов прозрачными столбами
Вокруг меня вставали до небес...*

У Любови Алексеевны:

***И будет вечно в свете звёзд и дня
феномен жизни изумлять меня.
То проплывёт чудесный трилобит,
то в раковину доброе чудовище трубит.
То пылкий жук, красивый, как амур,
слагает песнь любви, как трубадур...
То под лазурный свод небесных сфер
вдруг выплывают утки из пещер...
Мелькает бабочка, как маскарадный маг.***

Бесспорно, можно говорить о воздействии великого поэта. Но нужно не забывать и другое. Монтень говорил: «Не в писаниях Гомера, а во мне самом содержится то, что написал Гомер». То есть воздействие предшественника на последователя невозможно без их внутренней духовной взаимосвязи и единства. Именно такую взаимосвязь мы слышим, когда в стихотворениях Никоновой звучат такие строки в стихотворении «Лесные звуки»:

***...И кто-то пел прозрачно и минорно,
притягивая душу, как магнит.
Но кто-то жил без песен, жил безмолвно –
и ясно было слышно, как молчит.***

В стихотворении «Ночная река»:

***Ах, эта ночь с луною рыжей!
С веками сплетены века.
Забито небо всякой рыбой.
Забита звёздами река.***

В стихотворении «Зелёный свет»:

***...И, выставив задорный гребешок,
гриб полуголый пел, как петушок.***

В стихотворении «Лежу в степи, шумит трава»:

***Я с конским щавелем одно
и с заячьей капустою.
И если в этот миг умру,
я смерти не почувствую.***

II

Основная тема второго раздела сборника – «Как пчела в цветах» – это тема любви как вечного и главного закона бытия, любви в смысле божеском и природном, любви как всеобщего животворящего начала.

В стихотворениях этого раздела нет выражения чувственных восторгов, ни слова о радостях плотской любви, но есть другое:

***И счастье есть. И музыка кругом.
Слились в один два потемневших взора.
И кажется, колеблется наш дом,
качается, – должно быть, рухнет скоро.
И рухнет он в цветущие кусты,
в их белые душистые объятия.
А я с тобою.
А со мною ты.
Все люди сёстры и все люди братья.***

Но не сводимо содержание этого раздела лишь к этой благой картине и радостному чувству. Впервые в сборнике появляется начало мотива боли душевной, одиночества и сомнения. В финале стихотворения «Сосновый бор» зазвучит эта мысль о драме разобщённости в природе и среди людей:

157

**Я слушала, не радуясь ночлегу.
И нестерпимо было слышать мне,
Как человек взывает к человеку,
Сосна к сосне,
Сосна к сосне.**

В другом стихотворении пять молодцов и героиня, натянув тугие луки, пускают стрелы на поиски счастья. У других стрелы попали в цель, **«взяли в жёны купчих и дворянок и царевну-лягушку, вестимо»** –
**«А моя стрела – все летит.
Ни намёка на приземленье.**

И уже в 1993 году будет написано стихотворение:

**Вольная птица – да негде присесть:
занято, занято, занято здесь.
Вот и летай, пока крылышки держат.
Вот и живи, беспрестанно летя.
Крыльев в полёте тебе не подрежут.
Только надолго ли хватит тебя?**

Это глубокое, полное острого драматизма осознание невозможности жизни без любви вступает в сознании лирической героини в напряжённую схватку между подлинной, пусть мучительной и трудной, божеской любовью и теми многочисленными и такими распространёнными антиподами любви, до которых часто так падок и слаб человек.

Вот одна из таких строк:

**Всё ненависть лезет, и нечисть, и нежить:
земля, мол, лишь нами полна.
Возьми нас в друзья, а не то пожалеешь,
прими нас – иль будешь одна!**

**Но что за судьба – с ненавидящим сердцем?
И, веру спасая свою,
с усталым лицом, от страдания серым,
стою на своём я: люблю!**

III

Начатые здесь светлые и горькие раздумья получают интересное развитие в третьем разделе сборника, названном «Распорядилась так судьба». Первое, что обращает на себя внимание в стихотворениях этого раздела, – при всей слитности лирической героини с миром, с природой и людьми – это ощущение своей отдельности, инакости своей личности и судьбы, чуть ли не гостьей с иной планеты.

**Опустись, светоносец, загадочный диск,
опустись ещё раз. Это даже не риск.
Я верчу и верчу марсианский волчок,
я гляжу и гляжу в твой зелёный зрачок.**

**Под твоей оболочкой из тонкой слюды –
зеленеющий рой идеальной среды.**

**Заселён этот рай, светозарный, большой,
совершенной, одной, коллективной душой.
Это братья мои. Мы в разлуке давно.
И вернуться туда мне уже не дано.
За какой-то проступок (не помню, какой)
отлучили меня – и закрыли за мной.**

Второе – это абсолютное неприятие всего, что в жизни лишь вполноту, не в полной мере и не до конца: полуправды, полудружбы и полувражды:

**Полулюбовь – двусмысленна, двулична.
Наполовину тёмен её свет.
И полувера – двойственна обычно.
Двуручной полувере – веры нет.**

**Полунадежда тоже двоедушна
и не надёжна пред лицом беды.
Но самое плохое – полудружба,
предательский двойник полувражды.**

Прозвучит в стихотворениях этого раздела и голос страсти, острое, почти мучительное переживание роковой подчас несовпадаемости в судьбах людей мужского и женского начал, ян и инь по восточной философии, отталкивания и притяжения не по каким-то рациональным поводам и обстоятельствам.

Стихотворение «Всё, что стон вырывало из уст» завершается такой строфой:

758

**Иль прониклась безудержом я
и энергией первопричиную?
Или это звезда и земля?
Или женщина это с мужчиною?**

Всего острее это выскажется в стихотворении, очень своеобразном по форме. Это не традиционное стихотворение, не верлибр, не стихотворение в прозе и не фольклорное причитание, а нечто среднее между ними, с многократными повторами и усилениями, призванными выразить крик тела и души – «Иду любовью долгою своей...» Композиционно в нём два полюса. Один – состояние холодной безлюбости. А другой –

**Но лишь тебя увижу – обомру,
потерянно застыну на юру,
сразу всеми огнями обжигается,
всеми пламенями палима,
всеми водами окатываема,
всеми морозами прохватываема,
всеми ветрами обдуваема,
с помрачённым взором,
с душой перевернутой,
с судьбой кровотокащей.**

Это состояние выведено за пределы индивидуальной судьбы, оно почти иррационально, и потому это один из законов бытия.

IV

Следующему, четвёртому разделу сборника Любовь Никонова дала очень глубокое и точное название: «Горящая музыка». В стихотворениях этого раздела нашла отражение ещё одна – ярчайшая – сторона личности и творчества поэта – способность слышать и воспринимать музыку жизни. Способность эта далеко не каждому дана, и её наличие открывает человеку такие глубины и смыслы бытия, такую красоту и гармонию жизни, какие дают существованию человеческому оправдание перед Богом.

Поэт в душе своей соединяет внутреннее звучание жизни и мелодию, созданную композитором. Естественно, что и здесь у Л. А. Никоновой есть великие предшественники, достаточно вспомнить Блока, а самый ближайший – тот же Н. А. Заболоцкий. В 1957 году, вспоминая героическую гражданскую войну с фашизмом в Испании, он написал своё знаменитое стихотворение «Болеро», завершающееся такими словами:

*Танцуй, Равель, свой исполинский танец,
Танцуй, Равель! Не унывай, испанец!
Вращай, История, литые жернова,
Будь мельничихой в грозный час прибоя!
О, болеро, священный танец боя!*

У Никоновой звучит именно это: созвучие Истории и души художника, «посетившего сей мир в его минуты роковые» (Ф. Тютчев). Она пишет стихотворение «Мусоргский», в котором не просто поразительно коротко и сильно сказала о кровной связи творчества композитора со «смутной» русской историей, но и нашла слова, которые, на мой взгляд, гениально передали суть его личной и общественной трагедии:

**...Россию и сердцем, и духом
То гневно, то скорбно любя,
О, удавь! О, горечь! О, жалость!
Сожги, изведи, сокруши!
И тело его разрушалось,
Уже не вмещающая души. (! – А.С.)**

Есть в этом разделе и великолепное стихотворение «Берлиоз. Сцена охоты», в котором она коротко и точно, а оттого и красиво выражает воздействие музыки на душу:

**...Охотничий рог, затруби!
Звук долгий, морозный и чистый
прожжёт нас до самой крови
своей чистотой серебристой.
.....
Но слышишь, как звук роговой
в крови всё ещё догорает?**

Но даже когда и не звучит мелодия, душа поэта причастна к музыке бытия, она способна уловить её в шуме ветра, рокоте волн, завывании бури и просто в молчании. Считаю в этом смысле маленьким шедевром стихотворе-

ние «Горящая музыка», по названию которого назван и весь раздел.

**Сгорает лес, мелодий полный
цветных, как радужный туман.
Гудит огонь в печи покорной,
огонь, похожий на орган.
До корня музыка сгорает,
до угля чёрного, дотла.
А всё играет, всё играет...
И в поддувале дотлевают
ещё звучащая зола...
И вот – щепоть немого пепла.
Ты как до этого дошла,
мелодия небес и пекла,
а может, и сама душа?**

Когда же звучит обыкновенный романс, давно уже у всех на слуху, никаких открытий и новизны в себе не содержащий, чуткая душа поэта слышит за этим текстом старую, но вечную для каждого новую историю любви и страдания и откликается на неё... Как, например, в стихотворении «Жалобно стонет...» (первые слова известного сентиментального романса). Финал стихотворения:

**Так дайте же мне
посидеть у огня без движенья,
опять пережить красоту
этой острой разлуки,
опять осознать, помертвев,
глубину пораженья –
и с жалобным стоном
уткнуться лицом в свои руки.**

Ещё один мотив, вовсе не странный у русской поэтессы и очень характерный, значимый для Любови Алексеевны, зазвучал в этом разделе. Целая группа стихотворений объединена общим названием – «Цыганские напевы». Если мы вспомним, какое место занимала цыганская тематика в творчестве А. С. Пушкина, Аполлона Григорьева, Сергея Есенина, Александра Блока и других русских писателей и поэтов, то согласимся, что дело вовсе не только в экзотике цыганских странствий, быта, обрядов и самобытной культуры, хотя и это тоже имеет значение. Для Любови Никоновой, женщины и поэта абсолютно русского, без всякой цыганщины в судьбе, цыганская тема – это символ воли, удали, широты души, всего того, что так характерно для русской души и русских просторов.

В стихотворении «В самарской степи...» она скажет:

**Одною рождённые общию далью
цыганские песни и русские слёзы.**

Совершенно поразительно её провидческое проникновение в поэтическую душу Пушкина, а через неё и в русскую душу в стихотворении «Пушкин у цыган». Вот его заключительные строки:

В ней (в песне цыганки. – А. С.) **зов свободы
и плененье,
покой – и тонкое волнение,
живой огонь – и ветер снежный,
и край земли – и мир безбрежный...**
**Цыганка, вопреки столетьям,
распоряжается всем этим...**
**И, восхищенья не тая,
он крикнет: «Радость ты моя!»**
**Ах, эта радость, прелесть эта –
вот утешение поэта.**
**Цыганки пенье,
свист метели...**
Шесть лет осталось до дуэли.

V

Пятый раздел сборника озаглавлен «Не споря с силой притяженья». Он вобрал в себя стихотворения, развивающие и углубляющие начатую во втором разделе тему любви как главного, универсального жизненного начала. Там же, во втором разделе, появились и стихи, выражающие чувство одиночества, горькие сами по себе и требующие углубленной душевной проработки. Здесь, в пятом разделе, не просто идёт эта глубокая проработка, а настоящий спор лирической героини с самой собой и с общепринятой трактовкой темы любви.

Не наше дело, да и вообще недопустимо лезть в обстоятельства личной жизни, судьбы поэта, как сейчас это стало модно, мы должны только поглубже всмотреться в творческий феномен раскрытия этой темы. Во втором разделе преобладало всё-таки переживание любви как страсти. Здесь зазвучали строки, выражающие всю глубину, даже трагизм нелюбви, «не-встречи», как говорила Цветаева, обречённости на одиночество.

Вот заключительные строфы стихотворения «Любовь странника»:

**Душа уже встречалась с тьмой –
и видит тьму на расстоянии.
Никто не станет жить со мной.
И я – ни с кем не в состоянии.
Но, «каплю жалости храня»,
явитесь на пути мучительном –
и заступитесь за меня
пред всемогущим Вседержителем.**

Стихотворение «Не нравьтесь мне. Я вас люблю» завершается такими строками:

**И там, где явится она, (любовь блистающая. – А. С.)
в раю, в глубинах милосердия,
одна, как скрытая струна,
звучит звенящая трагедия.**

В этом плане очень интересно, как Любовь Алексеева переосмысливает известнейший романс, ставший буквально народной песней, – «Когда б имел золотые горы». Отталкиваясь от канонической строки «...с пустой

котомкой за плечами стучится странник у окна», она начинает стихотворение строкой: «Я всё с той же сумою стою под окном». Только «с пустой котомкой», «с сумой» стоит не отомщённый «злой изменник», а сама отвергнутая героиня «полжизни в опорках отмерив пешком», возвратилась под заветное окно бывшего возлюбленного и умоляет хотя бы на минуту дать посмотреть на счастье тех двоих, кого должна ненавидеть, но она их любит: «... пусть прольётся ко мне вашей жизни вино».

**И стояла я сутки, и месяц, и век,
Мне терпение было любовью дано.
И раскрылось окно – и сказал человек:
В церкви надо стоять – и захлопнул окно.**

Стихотворение вызывает на непростые размышления, и размышления авторские идут в стихотворениях всего этого раздела. Центральное из них – это, без сомнения, стихотворение «Особая форма жизни». И название не поэтическое, и написано оно в прозе. Это совсем не случайно. Плотность мысли в высказывании может быть так велика, что стихотворная форма сковывает ее выражение мерной стихотворной строкой с необходимым количеством ударений, пауз, соблюдением ритма, рифмы и т. п. Отсюда допустимость и необходимость выражения сложной и насыщенной мысли более свободным языком прозы.

Объём стихотворения не позволяет цитировать его здесь полностью, но основные суждения таковы: «Любовь – это какая-то особая форма жизни, нами совершенно не изученная. Она не любит шуму. С ней не надо соперничать, но можно незаметно радовать её, помогать ей в трудные минуты. Она крепка и хрупка одновременно. Нужно научиться ощущать её присутствие – и не пугать её, не беспокоить, не навязывать ей своей воли, не угнетать, не подстёгивать, не мучить... Она не задерживается долго с теми, кто не щадит её. Если бы в данный момент у меня спросили: «А где она сейчас?» Я бы ответила: «Она недалеко. Она рядом. Она со мной».

Я не настаиваю на абсолютности своего объяснения причины обращения автора к стихотворению в прозе. Достаточно вспомнить слова великого Пушкина:

*Из наслаждений жизни
Лишь любви музыка уступает.
Но и любовь мелодия.*

Здесь же нет мелодии, волшебства, тайны в выражении чувства, есть глубокое, мудрое, но рациональное рассуждение о чувстве радостном и мучительном, есть попытка его преодоления при всём признании.

В стихах этого раздела мелодия любви будет звучать и дальше, очаровывая радостью, болью, великолепной самоиронией:

**Я легко возвращаюсь.
Сама не пойму,
Для чего, почему, интересно?
Если прямо сказать, если всё по уму,
Несвободно мне с Вами, мне тесно.**

**Но у Вас на ладони – скворец да снегирь...
Вы любовный романс мне поёте...
Подведёте меня!
Где же тот монастырь,
Под который меня подведёте?**

Так в этой диалектике, в единстве противоречий умной, страстной, чуткой женской души и будет звучать эта тема, «перепетая», по Маяковскому, «не раз и не пять», во всём творчестве Любви Алексеевны. Завершит она этот раздел стихотворением в высшей степени для неё знаменательным, знаковым.

**Прости, Владычица. Я виновата вновь.
Мне тяжело от грехов, от сложной боли.
Я чувствую, как потемнела кровь,
в чистейших жилах певшая дотолё.**

**Неправильно, чадаяще, тяжело
она горит, объятая страстями.
Я погасить в душе пытаюсь зло –
и воду черпаю из родников горстями.**

**Но всё-таки вернее путь простой:
начать элементарно возрожденье –
явиться в храм, упасть перед Тобой,
и плакать, и молить о снисхожденье.**

VI

Хочется обратить внимание ещё на одну особенность творческой манеры Л. А. Никоновой, проявляющуюся на протяжении её творческого пути всё более плодотворно. Это её склонность, потребность даже, прибегать к цитированию произведений великой русской классики, черпать из этого чистейшего неисчерпаемого источника мудрости и красоты.

Сошлюсь на мысль А. А. Ахматовой:

*Но, может быть, поэзия сама –
Одна великолепная цитата.*

Она имела в виду, конечно, что поэзия – это великолепная цитата из Книги Бытия. У Никоновой, человека прекрасно образованного, цитирование, ссылки на русскую литературную классику – эффективнейший способ показать, круг каких культурных ассоциаций, какой сюжет, какой миф втягивается выбранной цитатой в стихи. Самый распространённый способ обращения к классике в её стихах – это использование строк в эпиграфах. Наиболее приоритетны здесь строки из Достоевского, далее Гоголь, Пушкин, Блок, высказывания святых отцов, строки из широко распространённых романсов и песен. Но об эпиграфах подробнее скажу чуть позже, сначала об использовании строк, которые создают огромное подтекстовое ассоциативное поле, таящее в себе очень глубокие смыслы, при невнимательном чтении могущие остаться вообще закрытыми.

Вот первый пример из стихотворения «Любовь странника». Оно в высшей степени драматично по переживанию чувства одиночества, неверия в любовь, какой-то обречённости. Я уже приводил эти последние строки стихотворения:

**Душа уже встречалась с тьмой –
и видит тьму на расстоянии.
Никто не станет жить со мной.
И я – ни с кем не в состоянии.**

**Но, «каплю жалости храня»,
явитесь на пути мучительном –
и заступитесь за меня
пред всемогущим Вседержителем.**

Включение в него строчки из письма Татьяны к Онегину «но вы к моей несчастной доле / Хоть каплю жалости храня, / Вы не оставите меня» придаёт стихотворению огромный подтекстовый смысл. Татьяна, по Пушкину, – это не просто наивная сельская девочка, безответно влюбившаяся в столичного соблазнителья. Это цельный и самобытный характер женщины, которая потом скажет Онегину и «я вас люблю, к чему лукавить?», но скажет и другое: «Зачем у вас я на примете? Не потому ль, что в высшем свете теперь являться я должна? Что я богата и знатна? <...> не потому ль, что мой позор теперь бы всеми был замечен и мог бы в обществе принести вам соблазнительную честь? <...> Как с вашим сердцем и умом быть чувства мелкого рабом?» Это не тривиальное «отмщение». Для Онегина это открытие ума и душевной глубины женщины и даже открытие себя самого. Недаром он стоит, «как будто громом поражён». Вот этот подтекст образа лирической героини Любви Никоновой не может не крыться за этой строкой.

Вот ещё более характерный пример. Одно из стихотворений нашего автора впрямую навеяно известным пушкинским шедевром «Брожу ли я вдоль улиц шумных». Первые две строки этого стихотворения она взяла эпиграфом к своему и своеобразным парафразом этих строк свое стихотворение открывает.

*Брожу ли я вдоль улиц шумных
и захожу нередко в храм –
и вижу отклик бурь безумных,
и слышу отголоски драм...*

У Пушкина, как известно, это стихотворение содержит великолепное художественное выражение одного из основных законов бытия: неизбежность гибели и разрушения всего живого и сущего и такую же неизбежность возрождения и торжества всего нового и молодого, торжества вечной жизни. В стихотворении Никоновой духовный взор поэта направлен на схватки человеческих страстей и совести, греха и покаяния, на крушение человеческих надежд и тупики отчаяния, «приливы счастья и тоски», терзающие душу.

Сознать это и нести в душе, не надломившись, позволяет пушкинская поэзия.

**Горячим воском пол закапан.
И Пушкин в странной красоте
неузнаваемо-заплакан
и близок к огненной черте.**

В этом же ряду и великолепное стихотворение «Мурский», в котором трагедия русского музыкального гения порождена «затмением душ и ума» в окружающем мире и более всего в горячо любимой России.

В 90-х годах, когда в стране фактически произошла криминальная революция, приведшая к власти чиновную и финансовую верхушку, поэт, не владея, как все мы, конкретными фактами и цифрами, чуткой душой улавливает воздух эпохи и тревогу свою выражает в бессмертных гоголевских образах. В стихотворении «Мне говорят, что это верный признак...» воскресает образ-символ угнетения и страдания бедного человека – гоголевский Акакий Акакиевич Башмачкин.

**...тот, кого звали канцелярской молью,
кто жался с краю со своею болью,
вдруг вымахнул из мысленной могилы
с сознанием правоты своей и силы –
и показал особое величье
в ином метафизическом обличье.**

И с ним рядом встает другой символ – поправки достоинства человеческого, ведущего в полную тьму души и рассудка и взывающего к человеческому состраданию.

**Какая тень... Какая птица мрачная.
Вглядитесь: это же шинель!
Шинель Акакия Башмачкина,
душ оскорблённых колыбель.**

**Меж тем дорога их прочищена.
Расписан каждый шаг и миг.
Да это же дневник Поприщина,
сверхчеловеческий дневник!**

**О, Мир! Скрывать не стоит истину.
Ее бесправные найдут.
И от Башмачкина к Поприщину
Они идут, идут, идут.**

Но более всего в стихотворениях Любови Никоновой обращений к памяти Фёдора Михайловича Достоевского. Думаю, что это связано не только с фактом кратковременного пребывания ссыльного гения у нас в Кузнецке и судьбоносным для него событием – венчанием с Марией Дмитриевной Исаевой. Полагаю, что это сопряжено ещё с чувствованием какой-то близости, родственности мятежной, вечно неспокойной, страдающей души писателя, нашедшей отклик в душе поэта через столько лет. Наибо-

лее полным выражением этой духовной связи и близости является, конечно, широко известное стихотворение «Достоевский и Исаева в Кузнецке. 1857 год». Известно, сколько душевных мук и страданий стоило писателю и обретенной им жене впоследствии это радостное событие, о котором он так мечтал и к которому так стремился. Драматический, провиденциальный смысл этого события, содержащий в себе, как в зародыше, будущие испытания и свершения, замечательно передан в этом стихотворении. Твёрдое сознание Любовью Алексеивной, какой дорогой цены стит творчество, и рождает эту внутреннюю близость.

В этой связи я вообще должен сказать, что Л. А. Никонова относится к малому числу тех поэтов, в чьих стихах преобладает острая конфликтность бытия, идёт ли речь о социальных, творческих или чисто личных проблемах. У большинства же, к сожалению, – описательность, мелко-темье, бытовщина, копание в личных переживаниях или надуманный пафос.

VII

Седьмой раздел сборника, названный автором «Дыхание смутных времён», открывает такую сторону духовного и творческого облика Л. А. Никоновой, которая, конечно же, предполагалась и предчувствовалась, но не казалась очевидной в творчестве этой предельно скромной женщины. Я имею в виду философскую глубину и силу постановки острых и вечных вопросов именно русской, российской социальной общественной жизни. И вовсе не в форме острых критических инвектив с называемыми или угадываемыми адресами и проявлениями, а в форме художественно опосредованной через образы, как я уже говорил, русского искусства, литературы, и через образы, отсылающие нас к божественным заповедям.

Одним из ярчайших проявлений такой глубины и силы является стихотворение, которое я бы соотнёс с шекспировским монологом Гамлета, ставящим вопрос: «Быть или не быть?» У него нет названия, но ему предпосланы два эпиграфа из пушкинского «Бориса Годунова»: «Народ безмолвствует» и «Народ завыл». Эпиграфы эти и обозначают два полюса бытия, между которыми, по сути, и протекает историческое существование русского народа.

Первая фраза, как хорошо помнят многие читатели, завершает пушкинскую трагедию и выражает собою абсолютное неприятие народом попытки подменить убиенного царем Борисом царевича Димитрия и возвести на русский престол польского ставленника Лжедмитрия. «Народ безмолвствует» в ответ на требование, как бы сейчас сказали, «властей» кричать здравницу ставленнику царя Бориса.

Второй эпиграф – «народ завыл» – это пушкинская ремарка из середины трагедии, она подытоживает то состояние бесправной угнетённости, что испытывает простой люд не только в то смутное время. Трудно назвать такую эпоху нашей истории, в которую, как выразится позже другой великий поэт, «где бы русский мужик не стонал». Будь то революции, войны, хоть Гражданская, хоть Отечественная, хоть перестройки и реформы, до ко-

торых так охочи радетели о народном благе. А народное безмолвование так заманчиво толковать как одобрение, а еще лучше – не придавать ему никакого значения.

Открывает стихотворение вопрос, который затем рефреном – трижды – прозвучит в стихотворении:

**Между «безмолвствовать» и «выть»
как жить, родимые, как быть?**

Два события-символа, воплощающих народную судьбу, встают в стихотворении. Первое – взрыв Чернобыльской АЭС.

**Щепоть землицы разорённой,
к небытию приговорённой,
легко ли на груди носить?**

.....
**Дешёвою давиться жвачкой,
мириться с лучевой болячкой,
не зная даже, болен чем?
А может, и не жить совсем?**

Второе событие – символ физического и духовного покаяния народа – это явление нашей истории, отражённое в повести выдающегося русского писателя-провидца Андрея Платонова «Котлован».

Отсылка к нему выражена в стихотворении прямым словом:

**Иль среди леса, среди гор
искать сокрытый там собор,
хранящий в заповедных дебрях
обличия аскетов древних, –
но обнаружить котлован
со множеством крестов нательных,
с костями русских христиан
и их младенчиков недельных.**

Герои повести, превозмогая нечеловеческие трудности и лишения, роют котлован под будущее светлое здание добра, справедливости и счастья и, ослеплённые этой идеей, не замечают даже гибели детей, во имя счастья которых они это делают. Это порочный замкнутый круг, дурная бесконечность, за которую и спросить не с кого.

**Кого винить? С кого спросить?
И узнавать на гребне бедствий
стыда не ведающих bestий,
что топят в лаве речевой
звон колокольный вечевой.**

Безысходность и побуждает автора стихотворения ставить вопрос перед Вседержителем, творцом всего сущего:

**Ты на кого оставил нас,
Небесный царь, пресветлый Спас?
Взывая к высшей правоте,
сто лет мы плачем в темноте...**

Любовь Алексеевна была человеком, глубоко и искренно верующим. Вопросом этим она выражает не ропот против Божией воли. Мысль её гораздо глубже. В бесконечной цепи времени, в Бытии каждому поколению выпадает свой миг «на то, чтоб жить, на то, чтоб быть». И чем этот миг бытия наполнить – это вечная задача, стоящая перед сменяющимися друг друга поколениями.

Большинство стихотворений этого раздела полны точными наблюдениями над жизнью и окружающими людьми, горькими раздумьями, глубокими обобщениями. Таково стихотворение «Общий вагон», сразу рождающее ассоциацию с великолепным рассказом В. Г. Распутина «Не могу-у-у!» Только в стихотворении обобщающий смысл его полнее выражен, как и положено поэтическому произведению.

Это, конечно, поэтическая метафора нашего простонародного, т. е. преобладающего, бытия и быта, в котором трудно найти ответы на вопросы:

**...чем проймёт компанию прожжённую
высокое, как небо, божество?
Зачем на землю, смрадом заражённую,
нести ему святое торжество?**

Только и надежды на то, что

**...едут среди шулеров и нехристей
ещё и те, кто не туда попал.**

Очень острое и печальное обобщение звучит и в стихотворении, отражающем и общие духовные черты времени, и отдельные характерные детали:

**Ниоткуда – ни вздоха, ни ропота.
Не пройдёт ветерок по траве.
Равнодушная речь биоробота
днём и ночью звучит по ТВ.**

**Мир надёжно свободен от рыцарей.
Решка выглядит сущим орлом.
Зомбинёнок, не помня родителей,
пьёт из горлышка яд за углом.**

**Здесь не видят цветущей черёмухи.
Не востребуют светлой красоты.
Не заметят, как в наши Чернобыли
входит Спас Золотые Власы.**

Авторское неприятие распространённых типов современников, утративших в себе всякое божественное начало, до потери себя увлечённых всяческими псевдоинновациями, экуменическими теориями и модными зазеркальями, находит выражение даже в такой вот, неприглядной для автора, остро гротескной форме:

**Член некой секты зазеркальной –
дитя причуды интегральной,
прошедшей путь от коммунизма
до развитого плюрализма.**

**Из зазеркалья человек
Имеет несколько сердечек,
Три глаза, полтора желудка,
Два разномыслящих рассудка,
Тринадцать психик со смещеньем,
Привыкших к перевоплощеньям...
А что ещё многообразно –
О том и молвить неприлично.**

Высочайшей степени обобщения, глубины поэтические оценки и характеристики современной жизни достигаются у Никоновой и путём использования прототипов и параллелей из русской классики, как, например, в стихотворениях о Башмачкине и Поприщине из этого же раздела, о которых я уже упоминал. Горькие впечатления от жизни, горькие раздумья не оставляют душу в покое, ищут и находят излияние в стихотворениях этого раздела.

**Здесь и спорить как будто бы не о чем.
Пошлость, пошлость – наверно, навек.
Но за шторами тусклыми вечером
Где-то плачет ещё человек.**

.....
**Жизнь почти безвозвратно утоплена
В пьянь, и брань, и павальную грязь...
Что ж ты, в белых одеждах утопия,
Не меняешься, тонко светясь?**

Совершенно закономерно, что в полном соответствии с русской духовной и литературной традицией в творчестве поэта не может не встать вопрос о его предназначении, о его месте и миссии в сложной, полной противоречий реальности. Не стану приводить, в общем-то, всем известные суждения на эту тему титанов русской поэзии. Хочу только подчеркнуть, что и здесь она, оставаясь собой, духовно близка великому Пушкину. «Веленью божьему, о Муза, будь послушна!» – призывал поэт. Любовь Алексеевна этой же высшей мерой судит о своём поэтическом призвании.

**Я бы хотела всего лишь весны,
чтобы черёмуха, ветви, волненье...
Господи! Райские, райские сны...
Что Ты взвалил на меня? Для чего?
С крестною ношей я не справляюсь...
.....
Будто сквозь чёрную вижу слюду
зелень, черёмуху в нежных соцветьях,
всю дорожную живую среду,
ту, что прозрачно слагалась в столетьях...
Мне ли из этого рая идти
в «социум», в пекло – с чернеющим прахом?
В этот котёл, начинённый раздором?
Господи...
Ты подтверждаешь: «Иди».**

Последний, восьмой раздел сборника, как явствует из его названия «Сокровенное России свеченье», выражает всё более крепнувшую в душе поэта уверенность, что Божья милость довлеет над людьми, несмотря на жизненные трудности и невзгоды. И основой этой уверенности стала всё более крепнущая в душах людей Вера, всё более прорывающаяся сквозь наслоения бытовой нечистоты, равнодушия, тщеславия – всего, что в поэтической системе Л. А. Никоновой получает ёмкое название «смог». Этим словом она обозначает и неотъемлемую часть нашей городской атмосферы, и тот морок душевный, который присущ внутреннему миру людей, лишённых света Веры. На эту тему у нее в шестом разделе было уже очень хлёсткое стихотворение «Из признаний знахарки» в адрес всяких антихристианских сект. В предыдущем, седьмом разделе было уже упомянутое очень жёсткое в адрес человеческой порочности стихотворение «Общий вагон», непривычно для неё язвительное стихотворение «Победитель». В этом разделе она, как это уже стало её творческим принципом, сталкивает в остром нравственном конфликте жизнь без Бога, без Веры и поиск человеческой душой духовной опоры и спасения. Поиск трудный, через преодоление слабостей, соблазнов и тины повседневности. Очень дорогого стоит то мастерство, с каким она выстраивает этот конфликт.

Вот стихотворение, первая строчка которого звучит так:

Шумел камыш. Шумит и ныне.

Эта полустрочка «шумел камыш» – не просто начало известнейшей песни, которую непременно, рано или поздно, запоёт любая пьяная компания и исполнит, пожалуй, не раз. Эти два слова ассоциируются с таким количеством пьяного веселья, слёз, драк, что рассказывать об этом в русском простонародном, и не только, быту можно очень долго. Это не песня, это символ.

Вторая полустрочка – «шумит и ныне» – картину завершает. Всего одна строчка – и теза уже готова. Антитеза – всё остальное стихотворение, где речь идёт о душах чистых и преданных Богу. Нравственный конфликт, которым живо стихотворение, разрешается, как и положено, в финале:

**Их грубый шум не поколеблет.
Ничто не помешает им
безмолвно преклонить колени
пред чистым Образом Твоим.**

Теза может быть задана и эпиграфом стихотворения, взятым, как правило, из произведений русской классики. А в самом стихотворении разворачивается нравственный конфликт, который, кстати, может и не содержать однозначного вывода, а толкать к размышлению. Так построен лирический сюжет, например, в стихотворении «Расстаньтесь с подвигами, доблестями, славой...» (эпиграф:

«О доблестях, о подвигах, о славе»... А. А. Блок) или в стихотворении «Неужели наше сердце остыло?..» (эпиграф: «Красота спасёт мир...» Ф. М. Достоевский) и в целом ряде других.

Важно то, что в стихотворениях этого раздела на первый план выдвигается мысль, что в жизненных бурях и конфликтах решающее значение приобретают не только и не столько конфликты между людьми и схватки людей с обстоятельствами. Не менее значима и духовная жизнь, внутренние борения в человеке, не столь очевидно влияющие на его судьбу внешне, но ведущие непременно к нашему главному покровителю и единственному защитнику. В этом было главное, выстраданное убеждение русского поэта Любови Алексеевны Никоновой. Если попытаться коротко выразить динамику её творчества – это будет путь к Богу.

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

**Суета, отголоски ненужных речей –
Всё осталось за неким порогом.
Погружается сердце в море свечей,
Расцветающих ночью пред богом.**

**Храм, охваченный славой. Поёт.
Он объят ликованием великим.
Здесь стоит небезгрешный народ
С удивительно праведным ликом.**

**Всё отпало, чем был обольщён,
Чем пленялся он снова и снова...
Нет ни лучших, ни худших времён –
Есть одно Воскресенье Христово.**

Стихотворением, выразившим сущность её поэтической души, своеобразным завещанием считаю это, открывающее последний раздел сборника:

**Была бы цыганкой, когда б не Россия,
ей-богу.
Легко находить наугад в бесконечность дорогу...
Легко без пожитков, без шумток слоняться
по шару,
по шару земному, готовому вечно к пожару.**

**Легко проходить под изменчивым сводом небесным,
земель не считая,
по странам просторным и тесным,
не ждать ни приветов, ни писем, ни бедной открытки –
и так умереть на ходу иль в убогой кибитке.
Но где зимовать мне, кочевнице?**

**Ясно, в России,
в которой сугробы огромны,
огромны и сини.
Но где проводить мне, кочевнице, жаркое лето?
В России оттаявшей, полной прозрачного света.
Что класть в изголовье мне
ночью прохладной и тусклой? –**

**Должно быть, поляны
с цветами земли этой русской.
Где сном засыпать мне
последним, глухим, незнакомым?
В земле этой русской,
на кладбище русском зелёном».**

Творчество Любови Алексеевны Никоновой – это явление не только, как говорится, региональной литературы, не кузбасской только и уж, тем более, не нашего только города. Это достояние всей литературы российской, русской. И слава Богу, что она своей поэзией осветила и освятила наш сумрачный город, весь угольный Кузбасс. Она жила с нами, она радовала и будет радовать наш край, «где сугробы огромны и сини», «с цветами земли этой русской».

Анатолий САЗЫКИН,
кандидат педагогических наук, доцент

165

САЗЫКИН Анатолий Семёнович всю свою жизнь посвятил литературе. Школьный учитель и преподаватель НГПИ (позднее – КузГПА, НФИ КемГУ), кандидат педагогических наук, доцент, более 11 лет заведовавший кафедрой литературы, он привил любовь к языку тысячам своих учеников и студентов. И сегодня, будучи на заслуженном отдыхе, Анатолий Семёнович не сидит без дела. На его публичные лекции собирается обычно вся литературная общественность Новокузнецка.

Тонкий ценитель и активный пропагандист творчества Любови Никоновой, он посвятил поэтессе ряд статей.

